

СТРАДАНИЕ КАК ТОЧКА ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Страдание занимает особое место в жизненном мире человека. И место это никогда не бывает пусто: есть человек – значит, есть и страдание. Нас заинтересовала проблема влияния страдания на становление и развитие социальных качеств личности. Принято считать, что крайне маловероятны изменения в личности, которая не страдает. Страдание «обостряет слух» и «отверзает зрение», оно является эффективным катализатором процессов социализации и развития личности. Оно побуждает к деятельности и, по мнению Ф. Ницше, есть «самый скорый способ достижения истины». Однако остаётся весьма неясным механизм столь благотворного воздействия на человека этого горчайшего из лекарств. Мы попытались разобраться в этом вопросе, опираясь на введённое в научный обиход К.Г. Юнгом представление об архетипе как об имеющем универсальную и безличную природу «бессознательном образе инстинкта» [1].

Этимологически слово «страдание» восходит к индоевропейскому корню (s)ter \ (s)tre – коченеть (умирать), становиться жёстким, твёрдым, тугим. Однокоренные слова: «страсть», «страда», «страх», «стремление», «старание», «старый», «стерва» (в первоначальном значении – мертвечина, падаль). Таким образом, изначально в понятии страдания фиксируется связь бытия со смертью как прекращением или отсутствием существования, то есть оно осмысливается как переживание присутствия и приближения смерти, как чувство поражённости существованию смертью; и одновременно с этим в первоначальном значении данного термина обнаруживается напряжённое стремление к преодолению этой поражённости.

С точки зрения зоопсихологии страдание есть сильная негативная эмоция, сигнализирующая о препятствиях в реализации той или иной инстинктивной программы поведения, направленной на удовлетворение естественных биологических потребностей (в пище, тепле, мышечной активности, безопасности, продолжении рода и т.д.). Естественное, «зоологическое» страдание – это муки голода, жажды, болезни, неудовлетворённого полового влечения, страха при невозможности защититься от опасности, ощущение дискомфорта из-за низкого иерархического ранга в сообществе и т.п.

Особое место среди инстинктивных программ принадлежит социальным инстинктам. В отличие от индивидуальных инстинктов, обеспечивающих выживание отдельной особи, социальные инстинкты работают на упорядочивание отношений внутри сообщества и на выживание группы в целом. Таковы, например, инстинктивные механизмы доминирования-подчинения, инстинкт групповой солидарности, обеспечивающий «альтруистические» действия членов группы.

Важно отметить, что «социальные» инстинкты могут вступать в противоречие с инстинктами «индивидуальными». Так, например, в ситуации, когда приходится защищать с риском для собственной жизни слабых членов группы, инстинкт самосохранения вступает в противоречие с инстинктом групповой солидарности. В таких случаях страдание становится трудноустранимым, так как минимум одна из инстинктивных программ оказывается нереализованной. Если же рассогласование алгоритмов поведения приобретает устойчивый характер, то возникает потребность в выработке дополнительных программ, способных устранять подобного рода очаги страдания или компенсировать отрицательные последствия их существования.

Очевидно, в доисторические времена отрицательные переживания предков человека мало чем отличались от страданий животного, поскольку их поведение регулировалось одними и теми же инстинктивными программами. Однако, по мере развития мышления, человек научился создавать рациональные (искусственные) программы поведения, которые зачастую действуют в обход инстинктивных программ и вступают с ними в противоречие, что также ведёт к дезорганизации и дискомфорту во внутреннем мире человека, то есть к новым страданиям. Например, человек может страдать в том случае, когда его основные биологические потребности и инстинкты удовлетворены, но не реализованы рационально сконструированные и приня-

* © Ю.В. Грицков, 2004.

тые им к исполнению программы, или в ситуации, когда реализация искусственной программы предполагает подавление программы инстинктивной.

Чем больше нереализованных программ, тем больше страданий. Чем больше страданий, тем интенсивнее усилия интеллекта по конструированию новых программ и, следовательно, больше новых неудач. С одной стороны, такое развитие событий грозит человеку катастрофой, с другой - изобилие страданий заставляет его активно изменяться, развивая одни свойства и способности и избавляясь от других. Можно с уверенностью утверждать, что страдание занимает одно из ведущих мест в ряду факторов, определяющих характер эволюции человека и общества. В частности, возникновение и бурное развитие религии, философии и искусства в древнем мире со всей очевидностью представляет собой ответ на эскалацию страданий.

Развитие рациональной составляющей в сознании человека привело к тому, что его страдание, в отличие от страдания животного, представляет собой уже не просто «сильную эмоцию, полярную наслаждению», но *чувство* – «психическое отражение отношения феноменов к нуждам личности» [2], причём это психическое отражение представляет собой единство эмоции и мысли.

Иными словами, страдание становится вполне человеческим только тогда, когда оно осознано и названо, когда оно соотносено с другими феноменами мира человека и осмыслено как составная часть этого мира.

В соответствии с изложенным, определим человеческое страдание как сильное негативное чувство, в котором наличная ситуация рефлексивно осмысливается и переживается как угрожающая осуществлению какой-либо из действующих инстинктивных или рационально сконструированных программ.

Такое предельно общее понимание страдания мы рассматриваем как инвариант по отношению к другим представлениям, имеющим хождение в общественном сознании. Оно не противоречит ни атеистическим, ни религиозным, ни каким-либо иным концепциям страдания, что даёт основания надеяться на построение целостной теоретической модели, в которой могут быть учтены результаты, достигнутые в различных, часто конфликтующих между собой школах и направлениях.

Архетипом мы будем называть такую действующую на уровне коллективного бессознательного программу, которая выстраивает в сознании субъекта типический образ типического явления и тем самым задаёт алгоритм его отношения к этому явлению.

Можно сказать, что архетип есть отобранный социальной эволюцией образец (принципиальная схема) построения в сознании такого «мыслечувственного» образа типической ситуации, который обеспечивает наиболее успешное по сравнению с другими образами реагирование на эту типическую ситуацию. Архетипы, следовательно, есть не что иное, как наиболее молодые из социальных инстинктов, формирующиеся и изменяющиеся в процессе эволюции социума.

Архетипами страдания назовём бессознательные «принципиальные схемы» выстраивания образов таких типических феноменов жизненного мира человека, которые воспринимаются им как угроза или препятствие для выполнения жизненно важных программ и тем самым служат для него источниками сильных отрицательных переживаний.

Наиболее значимыми формами страдания в экзистенциальном пространстве человеческих переживаний являются, на наш взгляд, страх смерти, чувство вины, чувство уязвлённости злом. Эти виды страдания находятся в отношениях взаимной зависимости (образуют систему) и обнаруживаются в любой известной нам культуре. Каждая из этих форм обязана своим существованием соответствующему архетипу страдания.

Архетип страха смерти – программа, проецирующая на образ любого объекта, попавшего в сферу внимания человека, образ смерти (будь то видение старухи в саване и с косой, или образ умершего друга, ноздри которого проели черви, или любой другой ассоциируемый со смертью символический образ).

Очевидно, что своим происхождением архетип страха смерти обязан совершённому рациональным мышлением пренеприятнейшему открытию – выводу о неизбежности собственной смерти. Это полученное логическим путём знание создаёт серьёзные помехи для нормальной работы инстинкта самосохранения: с одной стороны, данный инстинкт побуждает мобилизовать ресурсы для защиты от обнаруженной интеллектом угрозы, а с другой - источником страдания в данном случае является не сама смерть, а знание о ней, поэтому бессознательное стремится отменить, нейтрализовать это опасное знание. Это именно тот случай, когда плоды с древа познания невыносимо горчат: образ смерти, подобно выпущенному из бутылки джинну, раз возникнув, преследует человека в любой ситуации, в любом уголке его жизненного мира.

Архетип вины – программа, определяющая такой способ построения образа неблагоприятной ситуации, при котором эта неблагоприятная ситуация переживается как наказание за совершённые или совершаемые самим субъектом ошибки.

В соответствии с усвоенным многими поколениями в самом раннем детстве образцом, задаваемый архетипом вины образец осмысления неблагоприятной ситуации включает в себя следующие этапы.

Сначала неблагоприятное событие воспринимается как наказание со стороны высших, надприродных инстанций за совершённый субъектом проступок, который, впрочем, ещё предстоит идентифицировать.

Затем активируется поиск **вины** – осуществлённых субъектом действий или намерений, выходящих за рамки социально одобряемых программ поведения, заключающихся, как правило, в нарушении освящённых традицией или религией норм-запретов. Этот поиск протекает в «теневой зоне» психики, во взаимодействии между сознательно конструируемыми и бессознательно действующими программами.

Результаты поиска проецируются в сознание в виде спонтанных фантастических образов (видения, вещи сны, внутренние голоса и тому подобные явления психики), информирующих субъекта об «ошибке», которую необходимо исправить. После того, как «вина» заявила о себе, паттерн исправляющего возникшую неурядицу поведения понуждает раскаться, продемонстрировать готовность к наказанию и принять его, а затем ожидать прощения и восстановления благополучного течения дел.

Очевидно, архетип вины формировался в ходе эволюции человеческих сообществ, выживание которых существенным образом зависело от усвоения накопленного предыдущими поколениями коллективного опыта, передаваемого старшими поколениями младшим в виде императивных запретов и предписаний, усваиваемых в ходе обучения через систему наказаний и поощрений. Только индивиды, сумевшие успешно перенять социальный порядок, позволивший выжить предшествующим поколениям данного сообщества, получали шанс оставить свои гены в потомках. А успешному освоению опыта как раз и способствовали программы, составившие основу архетипа вины.

Заметим, что ощущение вины за происходящее может возникать у человека вне зависимости от наличия объективной причинной связи между его действиями и случившимся злом. Архетип вины делает человека способным ощутить себя *виноватым за любую оказавшуюся в поле его внимания неблагоприятную ситуацию*. Скажем больше – человек *склонен приписывать себе вину* за те несчастья, которых он не причинял и причинить не мог. Вспомним в этой связи идею первородного греха, идею кармического наследования вины, идею персональной ответственности китайских императоров за природные катаклизмы и т.п.

Архетип зла – программа, выстраивающая в страдающем сознании образ лежащего во зле мира и связанная с этим образом чувства несвободы, одиночества, отчуждения. По сути, архетип зла может быть осмыслен как программа переноса вины с себя на какие-либо объекты внешней действительности. Лежащий во зле мир переживается как испорченный, находящийся в неправильном состоянии, из-за чего субъекту приходится заняться поисками объяснения такого неблагоприятия и изобретением технологий его исправления.

Интересно, что любая оказавшаяся в поле его внимания ситуация, в том числе самая по видимости счастливая, *может восприниматься человеком как зло*, то есть как источник незаслуженного, «неправильного» страдания. Причём эта возможность отнюдь не абстрактная, на что указывает, например, идиома «виновник торжества», являющаяся, на наш взгляд, не просто оксюмороном, но пришедшей из подсознания проговоркой, намёком на непреложно «присутствующую в тени происходящего» возможность противоположного прочтения ситуации. Ещё определённое на это обстоятельство намекает обычай трепать за уши того, чей день рождения празднуется (мы, конечно, рады факту твоего появления на свет и от души поздравляем тебя с днём рождения, но, согласись, есть нечто предосудительное, заслуживающее наказания в том, что ты родился). Воистину всякое событие в мире человека готово обернуться злом, и, как сказал один героев Достоевского, старец Зосима, «всякий пред всеми за всех и за всё виноват».

В соответствии с изложенным, вырисовывается следующий механизм воздействия страдания на внутренний мир человека и на развитие его личностных качеств:

Обусловленное противоречиями между программами различных уровней, страдание становится в психической реальности личности постоянно действующим центром беспокойства, точкой концентрации внимания. Вокруг этого центра зарождается и формируется феномен сознания, элементарной клеточкой которого выступает акт рефлексии (я осознаю, что знаю), позволяющий осуществлять и контролировать процесс создания (неинстинктивных) рациональных программ, всегда направленных на изменение наличного положения дел в сторону удаления от страданий.

Само-стоящая, обладающая само-сознанием личность есть, в этом смысле, сформировавшаяся во взаимодействии подсознания и сознания субъекта программа, упорядочивающая и оптимизирующая взаимодействие инстинктов и архетипов таким образом, чтобы свести к минимуму сумму страданий. Эта программа обнаруживает себя как звучащий внутри субъекта «голос Бога» или как голос его совести, предупреждающий об опасностях, связанных с нарушением запретов на действия, вызывающие одновременный запуск противоречащих друг другу программ.

Получается, что личность формируется как структура сознания, вынужденная работать против инстинктивных программ биологической системы, частью которой она сама является. Едва ли не первая задача становящейся личности – освоение и развитие техник самоограничений – навыков контроля за осуществлением самопроизвольно включающихся инстинктивных программ. Вот почему **аскетика** - технология манипулирования собственным страданием, предполагающая культивирование таких качеств, как самодисциплина и воля (способность прикладывать значительные и длительные усилия и претерпевать страдания во имя достижения поставленной цели), - является важной составной частью всякой культуры.

Таким образом, становление и развитие человеческой личности может быть понято как направленный на уменьшение суммы страданий процесс взаимодействия и взаимоурегулирования зоологических, архетипических и рациональных программ поведения.

В заключение заметим, что магистральные направления саморазвития личности также задаются базовыми архетипами страдания. Так, архетип страха смерти формирует шкалу положительных ценностей бытия, ориентируя личность на культивирование таких качеств, как любовь к жизни и её проявлениям. Архетип вины формирует вектор, устремляющий личность к развитию свойств, приближающих её к идеалам правоты и справедливости. Архетип удаления от зла также ориентирует на развитие нравственных качеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного / К.Г. Юнг // Аналитическая психология. Прошлое и настоящее.- М.: Мартис, 1995.
2. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий / К.К. Платонов. - М.: Высшая школа, 1984.